

Песни о кончине Степана Разина

1.

Вы, леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы, станы ль мои, станочки, станы теплые!
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я то ли, добрый молодец, не пойман был.
По прозваньицу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет.
Как пошел-то я ко синю морю.
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек!»
На белом камешке стал скончатися,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы, милые сотоварищи!
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог: первой Питерской,
Другой Владимирской, третьей Киевской.
Во в правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во в ногах поставьте ворона-коня.
Кто ни йдет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
— Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
— Тут лежит-то Стенька Разин сын!»
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то, братцы, сдивовалися,

Стеньке Разину поклонялися:
Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
Во в леву руку калену стрелу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрам нашим широкиим!
Кабы знали мы, уж ведали,
Выручили бы с бела камня,
С бела камня, со Дунай-реки,
Со Дунай-реки, со широконой.
Покажи-ка нам златы латы тут,
Златы латы тут серпентинные!»
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати;
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горе распрощалися,
Друг другу поклонялися:
«Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по диким местам!»

2.

Ище говорит-то атаман всё Сенька Разин-от:
«Ей, мне больше, атаману, по чисту полю не ежживать,
Мне по чистому по полю, по темным лесам!
У мя было на веку-то всё поежжоно.
Ай не год у мя, не два былò, не три года, —
Я ведь ездил по чисту полю, темным лесом
Ей тридцеть-то годочков поры-времени.
Как теперь мою дружиночку хороброю...
Изымали их во руки, посадили всё,
Посадили их по темну, темну тёмницу.
Ей, за те ли их за крепки за замочки тут,
За темà-ти всё за строгима за караулами.
После ихного-то я после бываньяця

Я ведь много-то делал пользи царю белому:
Я ведь много губил да людей добрых-то,
Я тут много убивал тотар поганных,
Я ведь силы-то неверной бусуманьскою,
Я тут много ведь грабил золотой казны.
Мне-ка больше золотой казны не грабьливать,
Мне-ка больше циста серебра не грабьливать,
Дорогого мне скацёного-то больше жемцюгу!
Я поеду, атаман же, во чистò полё,
Во чистò полё поеду ко всем товарышшам,
Посмотрю своих товарышов в белòм шатре,
Распрощусь-то я с имà на жисть на вечную».
Из цистà поля поехал ко Дунай к реки;
Приезжает он ко матушке к Дунай-реки.
Хороша течет Дунай да речка быстрая,
Речка быстрая течет, очунь широкая.
«Закрычу я у Дуная переводьшика;
Тут нехто меня ведь всё не перевозят тут,
Шьчо тово ли атамана Сеньку Разина».
Говорил он своёму-ту он добру коню:
«Ты останьсе-ко, останьсе ты, мой доброй конь,
Ты останьсе-ко, конь мой, в зеленых лугах,
В зеленых лугах останься, в шолковдй травы».
Тут пòплыл-то реку да Сенька Разин-от,
Подоплыл ведь только речку до полу-реки,
До полу-реки доплыл да всё до камешка,
Всё до камешка доплыл до горячого;
Он выходил на горячой на сер камешок,
Написал он камню, шьчо ёму ведь надобно,
Шьчо ведь надобно ёму, да про себя пишот,
Он все пишот со слёзами со горячима,
Он своей пишот хороброю дружиночки:
«Уж вы милыи, моя хорòбра ты дружиночка!
Токо выпускьтят на волю вас же, добрых молодцов,
Токо будите на волюшки на вольнёю.
Найдите, быват, вы атамана Сеньку Разина,
Шьчо вы сильнёво могучого богàтыря, —
Росыпишу-ту вам, хороброй все дружинушки:
Вы возьмите-тко отсюда тело белоё,—

Вы возьмите-ко миня, всё увезите вы,
Повалите вы миня во матушку в сыру землю,
Положите между трех славных дорожоцёк,
Где съезжаютце могуции сильни богатыри,
Во котором они месъти думу думают,
Думу думают они, совет советуют;
Ай ведь тут миня повалите между трех славных дорожоцьки:
Шьчо перьву миня дорожку Питербурськую,
Между втору миня дорожку к матушки все камянной Москве,
Ко третьей миня дорожки славной Киевской,
Повалите моё, положьте тело белоё,
Тело белоё моё все богатырьское,
Вы кладите мне-ка в матушку в сыру землю.
Вз голову кладите мне чуден-от крест,
Вы мне в ноги-ти кладите мой ведь страшон мець,
По праву ту руку мне кладите палицю тяжолую,
Ай к мець-ту ставьте моего да всё добра коня,
К левой руценьки кладите вы булатной нож;
Вы закройте моё-то тело белоё,
Навалите-ко плиту да камня серого,
Росьпишите вы слова вси до единого,
Отпишите вы мое имя, фамилию,
Шьчо лежит-то ведь Сенька тут богатырь Разин-от.
А пойдут-то, поедут многи вси люди добрыя,
Быват, руськии могуции богатыря,
И пойдут-то молодци да красны девушки,
Всё помянут-то моё да тело грешное;
Как цюдну-ту кресту они помолятце,
Они страшного меця все приужахнутце».
Тут ведь выпустили дружиночку-ту скоро храбрую;
Тут наехала дружиночка хоробрая,
Отыскали тело бело богатырьское,
Повезли-то тело бело церес три дорожоцьки:
Церес Киевску, Москоську, церес Питерську;
Хоронили-то его, да атамана-та, богатыря,
Шьчо того-то ведь Сеньку его Разина.
Ище в голову-ту ставили чуден-от крес,
Ко ногам они полòжили страшон-от мець,
К правой рученьки положили да саблю вострую,

К левой рученьки полòжили его булатный нож,
Добрà коня они поставили к его страшну мецю,
Накрывали-то плиту все камня серого,
На плиты всё расписали, как и он велел:
Отписали-то Сеньку все богàтыря,
Шьчо того ли богàтыря могущего,
Могущёго богàтыря Сеньку Разина.

3.

Ай вы, леса-ле мои, лесочки, леса, бывали темные;
Ай вы, куста-ле мои, кустоцики, были куста цастые;
Да станы-ле вы наши, станоцики, станы, были теплы;
Ай дружья-товаришши всё были верные!..
Ишше все вы ноньче, лисочки, все припасечены;
Ай-и, ай, ишшо все наши теплы станочки приразорены;
Ай-и, ай, все-то дружья-братья да товаришши, все припаиманы,
Ай-и, ай, все-то поиманы мои товарищи, они все припосажены,
Ай-и, ай, все-то посажены мои товарищи, они все приповешены!...»
Ай-и как да един-то из них доброй молодец он не поиман был,
Ай-и он не поиман был доброй молодец, он не посажон был.
Ай-и прикачнулса веть он, пришатнулса доброй молодец,
Ай-и пришатнулса да прикачнулса ко Дону, всё ко тиху Дону.
Ай-и он выпрашивал на тихом Доне перевошшичков, он веть всё
перевосшшичков:
«Ишше есть ле у вас на тихом Доне, братцы, всё перево[шш]ицьки?
Ай-и переправьте миня, добра молотца, миня всё через тихой Дон!»
Ай-и он переправилса, доброй молодец, он через тихой Дон,
Он переправилса, наш доброй молодец, сам веть тут канчатся стал:
«А вы да братцы мои да всё товаришши, перевошшички!
Вы положите-тко моё тело ай всё между трёх дорог:
Между Питерской, между Московской да третьей славной Киевской;
Ай-и в зголовье вы поставьте всё животворяшший крест,
Ай-и во резвы-то [ноги] да всё мне поставьте коня добраго,
Ай-и во праву-ту руку мне поставьте саблю вострую,
Ай-и во леву-ту руку мне поставьте-тко мне копье долгое:
Ий кто да пойдёт, кто всё мимо поедёт — всё кресту помолится,
На добра-та коня всяк по[с]мотрят — всяк обзарятся,

Ай на востру саблю посмотрят — все они устроятся!»

(Записана в 1900 году А. Д. Григорьевым в Пинежском уезде в с. Веегоры от кр. Е. Некрасова.)